

УДК 811.11
ББК 81.432.1

О.С. Акетина

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
ПРОСТРАНСТВЕННЫХ
ОТНОШЕНИЙ В ЯЗЫКЕ
И ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ТЕКСТЕ:
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИ-
ЧЕСКИЙ
АСПЕКТ**

Рассматривается репрезентация физического пространства в семантическом пространстве языка и художественного текста, в частности, формирование и функционирование концепта *Пространство* в языковой и художественной картинах мира. Отмечается, что категория пространства представлена совокупностью нескольких близкородственных концептов, которые репрезентируют ментальные образы места, положения, расстояния и т.д., которые оказывают влияние на формирование национального менталитета. С целью анализа пространственных отношений осуществляется моделирование концепта *Пространство* на материале художественных текстов Ч. Диккенса, что позволяет выявить как универсальные, так и национально специфические компоненты, свойственные английской лингвокультуре, а также индивидуально-авторские представления о пространстве.

Ключевые слова: лингвокультура, репрезентация, когнитивный механизм, антропоцентрическая концепция, пространство, концепт, семантический компонент.

DOI: 10.18522/1995-0640-2016-2-241-247

Акетина Ольга Сергеевна – аспирант кафедры общего языкознания Адыгейского государственного университета, старший лаборант кафедры иностранных языков Государственного морского университета им. Ф.Ф. Ушакова
E-mail: pacificarea@mail.ru

© Акетина О.С., 2016.

Языковое описание пространства подразумевает расположение одних материальных объектов относительно других объектов, становящихся неким ориентиром в концептуализации мира. Языковая репрезентация пространственных отношений предполагает реализацию семантики лексем в рамках конкретных форм и конструкций, например глаголов, объединяемых в функционально-семантической категории локативности. Подчеркнем, что в языковом функционально-семантическом представлении категория локативности манифестирована и в сфере обстоятельственных отношений, вне предикативных рамок, при этом предикат имеет определяющее значение в пространственной ориентации.

Рецепция пространства и её вербализация осуществляются через структуру локативной ситуации, которая включает несколько элементов: локализуемый предмет, ориентир, тип пространственного отношения между ними, статику или динамику ситуации, субъект действия или состояния, наблюдателя, а также точку отсчета локативного отношения [Всеволодова, Владимирский, с. 10].

Современная лингвистическая парадигма ориентирована на углубленное изучение и описание пространственных отношений (перцептуального, реального и концептуального) в языке. Перцептуальное пространство аккумулирует наши ощущения, восприятия и представления, а реальное пространство содержит эти реальные объекты (и в частности, наши тела в качестве таковых).

Значит, перцептуальное пространство репрезентирует реальные пространственные отношения, но имеет субъективный характер, опираясь на особенности восприятия конкретной личности.

Человек воспринимает пространство фрагментарно, что оказывает определяющее влияние на дискретный характер репрезентации пространственных категорий в языке и лингвокультуре в целом. На наш взгляд, рассмотрение пространственных отношений позволяет осуществить реконструкцию различных сторон когнитивных процессов, а также изучить соотношения концептуальных структур сознания и единиц языка, которые их объективируют.

Е.С. Кубрякова, вслед за В. фон Гумбольдтом, указывает, что внешнее многообразие языков не отменяет наличия в них определенных когнитивных универсалий, составляющих некий априорный базис когниции. Категории мысли, выделенные И. Кантом как категории разума, составляют базис, определяющий разнообразие языков, а язык представляет собой базис познания. Категория пространства переживается всеми людьми с позиций психики абсолютно одинаково, однако одни и те же феномены действительности проходят в разных языках различную категоризацию, что детерминирует многообразные формы репрезентации этих явлений и предметов [Кубрякова и др., 1996, с. 89 – 93].

Категория пространства подвергается различным описательным операциям, однако в лингвистических работах, посвященных этой проблематике, отчетлива неоднородность подходов к её изучению. Так, например, в исследовательских концепциях статус языковых единиц, номинирующих пространство, различен: в целом его определяют через понятия категории, концепта, семантического поля, функционально-семантической категории, семантического компонента / значения и т.д. Для Е.С. Кубряковой опорным при рассмотрении данной категории является термин *концепт*: «...нас интересует, в первую очередь сам концепт пространства в том виде, в каком он складывался постепенно в голове человека и видоизменением которого являются не только современные значения, связываемые с обозначением пространства, но и распространение этого концепта в метаязыке лингвистических описаний» [Кубрякова, 1997, с. 22]. Анализ концептов пространства, места, предмета позволяет исследователю утверждать, что понятия места и пространства связаны гиперо-гипонимическими отношениями.

Известно, что «образование категорий связано с формированием когнитивных концептов и их устойчивых объединений. Это стандартный путь переработки поступающей информации» [Иссерс, с. 37], а концепт определяется как «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга и является, по сравнению с категорией, единицей более низкого уровня» [Кубрякова и др., 1996, с. 90]. Исходя из этих положений, категория пространства представляется совокупностью нескольких близкородственных концептов, которые репрезентируют ментальные образы места,

положения, движения-перемещения предметов, расстояния, близости, отдаленности и т.д.

Формирование пространственных концептов детерминировано восприятием действительности, окружающей человека, значимыми здесь становятся признаки размерной сопоставимости, подвижности и неподвижности, отношения к норме и т.д. Как объективное свойство действительного мира, трехмерность пространства отражает когнитивные механизмы, составляющие суть рецептивно-когнитивной деятельности человека. Само существование предметно-пространственных связей не может служить основой для установления значимости каких-то определенных измерений. Лишь ракурс восприятия человеком пространственных отношений и категории пространства в целом определяет некую иерархичность этих измерений. Когнитивная сторона предметной сущности определяется через вертикальную ось, поскольку человеческое тело изначально характеризуется вертикальностью ввиду анатомического строения, а координаты «верх – низ» определяют направление концептуализации действительности.

Коррелятивные связи, существующие в когнитивной деятельности человека между частями тела Первочеловека и частями космического и земного пространства, представлены в космогонических мифах. Описание пространства строится на антропоморфном коде, благодаря чему происходит своеобразное «очеловечивание» вселенского пространства через его связь с частями человеческого тела: *at the foot of the mountain – у подножья горы, горный хребет, устье реки – the mouth of the river, глава горы, горловина и т.д., а также понятия правое – левое, верх – низ* и др. [Топоров, с. 232 – 245]. Таким образом, вертикаль предстает в языке как основное пространственное измерение. Понятие «горизонталь» составляет два измерения, различные по характеру: асимметричное «спереди – сзади» и симметричное «справа – слева», и первое более значимо, нежели второе.

Язык отражает определенную иерархию пространственных координат: вертикаль, фронтальная горизонталь, латеральная горизонталь. Приоритет вертикальной оси, которая зачастую отмечена в языке двойной маркировкой, детерминирован характерной для человека ориентацией его тела в норме (положение «стоя»), которое иногда называют «каноническим положением» [Clark]. Значит, с позиций логики антропоцентрической концепции именно вертикальная ось занимает главенствующее положение в системе координат.

Для современной гуманитарной парадигмы доказанным является факт влияния пространственных представлений на формирование национального менталитета. Специфика репрезентации концепта *Пространство* в английском языке позволяет установить, что его ядро составляют микроконцепты объектов-ориентиров и способов навигации: «According to this hypothesis, spatial representation itself is relatively rich in its possibilities for describing object shape; but it is relatively limited in the way it can use object shape to encode spatial relations. If this is the case,

the disparity observed in language is a fairly accurate reflection of a disparity in the spatial representations that language expresses» [Jackendoff, p. 121].

Английская языковая картина мира (ЯКМ) концептуализирует горизонтальную и вертикальную оси при помощи наречий и предлогов типа *here, there, above, below, in front of, behind, left, right, in the South, in the West, in Clifton* и т.д. Вертикальная ось предстает и в английском языке как непосредственный результат нашего когнитивного опыта ориентации в пространстве.

Представление вертикальной оси концепта *Пространство* в английской ЯКМ характеризуется как совокупность физического, культурно-социального и эмоционального опыта. Когнитивный процесс освоения и фрагментации пространства в английском языке тесно связан с эмоциями и отчасти детерминирован ими, что можно проследить в структурировании английских метафор [Lakoff, Johnson, p. 15]: счастье в них связывается с движением вверх от некоей нейтральной точки, несчастье – движение вниз, в противоположную сторону. В английской ЯКМ весьма значимо представление языковой личности в центре *Пространства*, так как физическое положение субъекта рецепции и вербализации детерминирует пространственные представления. Так, если положение языковой личности горизонтально, то представление о вертикальной оси будет ограничено сферой непосредственного обзора. Дополнительное уточнение пространственных отношений происходит при помощи языковых средств, что и создает возможность эффективного общения, в котором исключена коммуникативная неудача: например, «*from my point of view the red building is on the left*». В случае совпадения точек местоположения коммуникантов ориентация с помощью горизонтальных направлений *left* и *right* представляет собой самый удобный и лаконичный способ описания локализации фигуры или траектории ее движения.

Горизонтальные пространственные отношения представлены различными способами. В этой связи особый интерес вызывают, на первый взгляд, синонимические «*right (left)*» и «*on the right side (on the left side)*». Различия между данными локализаторами в том, что «*right (left)*» представляют собой ориентиры, которые устанавливают вектор движения фигуры на некотором фоне, в то время как «*on the right (on the left) side*» вербализует представление о геометрии самого объекта-ориентира, акцентируя внимание на одной из его сторон.

В английской лингвокультуре ядро поля концепта *Пространство* представлено лексемой «*space*», тем не менее английский язык располагает рядом единиц, принадлежащих разным частям речи и называющих различные точки пространства, прежде всего, репрезентируя его основные характеристики и параметры. При этом высота, ширина, длина зачастую получают в английском языке обозначение через адъективы (узкий, широкий, высокий, длинный и пр.). Размеры объектов параметрируются посредством целого набора лексико-грамматических разрядов

слов, что позволяет английскому языку реализовывать вариативность репрезентации данных параметров.

Текст, репрезентирующий лингвокультурные концепты, изначально обладает возможностью реализовать многоаспектность понятий, базовых для него, причем интерпретация таких концептов подразумевает соединение авторского и читательского Я. Весьма интересной представляется реконструкция концепта *Пространство* по данным художественных текстов Ч. Диккенса как одного из ярких представителей английской лингвокультуры. Отправной точкой проводимого исследования становится моделирование индивидуально-авторского варианта данного концепта, непротиворечиво включающего как универсальные, так и специфические черты английской концептосферы в том фрагменте, который эксплицирует пространственные отношения.

Внешнее пространство предстает в романах Ч. Диккенса и как возможность альтернативного развития повествования, маркируя некие «развилки» сюжета. Описание внешнего пространства может также содержать подтекстовые указания на возможные события. Всё это отчасти объясняет ту значимость, которая придана пейзажам и описаниям пространства в целом (внутреннего и внешнего) в творчестве Ч. Диккенса.

Важной составляющей концепта *Пространство* является туман, который выступает к тому же и значимым компонентом английской лингвокультуры. В романе «Большие надежды» туман становится экспликацией неясности, призрачности внешнего пространства, что позволяет его соотнести с пространством внутренним – наличие некоей тайны: так, описание тумана представлено в главе III, когда Пип несёт еду и подпилоч Мэгвичу. В этом эпизоде намечена будущая связь Пипа с каторжником, что впоследствии станет его собственной тайной. Туман густеет по мере приближения Пипа к месту встречи: «*На болотах туман был еще плотнее*» [Диккенс, с. 21]. Так во внешнее пространство как компонент исследуемого пространства включается и выбор пути: например, неслучайно туман возникает именно утром, пока у Пипа есть выбор.

Важную роль в создании внешнего пространства играет здесь и река, имеющая также символическое значение для раскрытия внутреннего мира персонажа. Она раскрывает ключевые моменты повествования, появляясь именно тогда, когда жизнь Пипа поворачивает в новое русло. Уже III глава эксплицирует авторскую модальность, активизирующую читательскую рецепцию, прежде всего, в плане реализации в дальнейшем новых поворотов сюжета. Глава XIX включает описание отъезда Пипа в Лондон: «*Я быстро зашагал прочь, размышляя о том, что уйти оказалось гораздо легче, нежели я предполагал, и что куда бы это годилось, если бы старый башмак полетел вслед дилижансу на виду у всей торговой улицы. Как ни в чём не бывало, я стал насвистывать весёлую песенку*» [Диккенс, с. 173]. Туман испаряется, уплывая вверх, и внутренний мир Пипа наполняется иными эмоциями: «*Но деревня мирно спала, лёгкий туман торжественно уплывал вверх, словно открывая мне мир, – и сам я когда-то был здесь таким маленьким и невинным, а то,*

что ждало меня впереди, представлялось таким неведомым и огромным, что внезапно рыдания сдавили мне горло и я расплакался. Случилось это при выходе из деревни, у дорожного столба; я потрогал его рукой и сказал: – Прощай, мой милый, мой добрый друг!

Видит бог, мы напрасно стыдимся своих слёз – они как дождь смывают душную пыль, иссушающую наши сердца. Слёзы принесли мне облегчение – я смягчился, о многом пожалел, глубже почувствовал свою неблагодарность. Если бы я заплакал раньше, Джо был бы со мной в эту минуту» [Диккенс, с. 173 – 175]. Туман торжественно уплывает вверх, открывая Пипу новую жизнь: как будто занавес поднимается, и начинается новое представление. Пип оказывается перед выбором пути. Здесь авторская модальность локализована в сфере эстетической игры, ведь Пипу открыты любые дороги, надо лишь увидеть, которая из них – только его. В эту игру включены другие персонажи: мисс Хэвишем, мистер Джеггерс, Эстела, они как бы участвуют в его спектакле, оставляя ему его ожидания. Таким образом, в романе «Большие надежды» читатель сталкивается с пространством, в котором эксплицированы и авторская, и персонажная модальности, однако в целом это пространство создано самим героем.

Таким образом, обобщение концепций пространства как онтологической и лингвокультурной категории приводит к следующим выводам: трехмерность воспринимаемого человеком пространства позволяет описывать его метрически и топологически; пространство не изолировано в своей онтологической сущности и, как таковое, не дано в ощущении: в ощущении даны объекты, характеризующиеся наличием пространственно-временных свойств; дискретность обыденного пространства подтверждается тем, что оно фиксировано в материальных объектах, имеющих свои границы и размеры.

Литература

- Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю.* Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М.: Русский язык, 2009.
- Диккенс Ч.* Собр. соч.: в 30 т. / под ред. А.А. Аникста. М.: Гослитиздат, 1957 – 1963. Т. 23: Большие надежды: роман / пер. с англ. М. Лорие. 1960.
- Иссерс О.С.* Когнитивные категории базового уровня как инструмент речевого воздействия // Семантика языковых единиц: докл. VI Междунар. конф. Т. 1. М., 1998.
- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г.* [и др.]. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996.
- Кубрякова Е.С.* Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) // Изв. РАН. Сер. лит. и языка. 1997. Т. 56, № 3.
- Топоров В.Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983.
- Clark H.* Space, Time, Semantics, and the Child // Cognitive Development and the Acquisition of Language / ed. by T.E. Moore. N. Y.: Academic Press, 1973.
- Jackendoff R.* Semantics and Cognition. Cambridge (Mass.), 1993. 283p.
- Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. Chicago; London.: The University of Chicago Press, 1980.

References

- Vsevolodova M.V., Vladimirskii E.Yu. Sposoby vyrazheniya prostranstvennykh otnoshenii v sovremennom russkom yazyke. M.: Russkii yazyk, 2009. 288 s.
- Dickens Ch. Sobranie sochinenii: v 30 t. / pod red. A.A. Aniksta. M.: Goslitizdat, 1957 – 1963. T. 23: Bol'shie nadezhdy: roman / per. s angl. M. Lorie. 1960. 520 s.: il.
- Issers O.S. Kognitivnye kategorii bazovogo urovnya kak instrument rechevogo vozdeistviya // Semantika yazykovykh edinit: dokl. VI Mezhdunar. konf. T. 1. M., 1998. S. 37-39.
- Kubryakova E.S. Kontsept // Kratkii slovar' kognitivnykh terminov / E.S. Kubryakova, V.Z. Dem'yankov, Yu.G. Pankrats [i dr.]. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1996. 245 s.
- Kubryakova E.S. Yazyk prostranstva i prostranstvo yazyka (k postanovke problemy) // Izv. RAN. Ser. lit. i yazyka. 1997. T. 56, № 3. S. 22-31.
- Toporov V.N. Prostranstvo i tekst // Tekst: semantika i struktura. M.: Nauka, 1983. S. 227-285.
- Clark H. Space, Time, Semantics, and the Child // Cognitive Development and the Acquisition of Language / ed. by T.E. Moore. N. Y.: Academic Press, 1973.
- Jackendoff R. Semantics and Cognition. Cambridge (Mass.), 1993. 283p.
- Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago; London.: The University of Chicago Press, 1980. 241 p.

Aketina O.S. (Maykop, Russian Federation)

Representation of spatial relations in the language and fiction text: linguacultural aspect

The article deals with the representation of the physical space in the semantic space of language and literary text. It was found that the three-dimensionality of the perceived space allows to describe metrically and topologically. Ontological essence of space is manifested in translation its properties through objects, given in feelings. Spatial objects are characterized by a set of properties that secure their borders and sizes. Spatial concepts are formed as a result of receptive activities, special importance in this process are the signs of dimensional compatibility, mobility and immobility, the relationship to the norm, etc. Cognitive mechanisms that form the basis of perception of the world are reflected in a consistent verbalization of three-dimensional space. The importance of specific measurements and hierarchical subordination is not due to the presence of the subject-spatial relations, and foreshortening of human perception of spatial relationships and space category as a whole. The formation of «space» concept in the linguistic and artistic pictures of the world is considered. It is noted that the category of space is a collection of several closely related concepts that represent mental space images, position, distance, etc.

Key words: *linguaculture, representation, cognitive mechanism, anthropocentric concept, space, concept, semantic component.*

Aketina Olga Sergeevna – post-graduate student of common linguistics dpt. Adygea State University. E-mail: pacificarea@mail.ru